

I

Цифры

К концу четвёртой пары силы остаются лишь на то, чтобы следить за передвижением полосы света над покрытой формулами доской. Когда апрельское солнце дотянется из окна до вентиляционной решётки на противоположной стене, ненавистная лекция по математике закончится. И целых четыре дня можно будет не думать о дробях, неизвестных, степенях и извлечении корней.

Худенький светловолосый подросток на заднем ряду у окна прикладывает правой щекой к нагретой солнцем парте. Пришурившись, он смотрит, как в пыльное стекло бьётся пчела. Насекомое недовольно жужжит, настырно раз за разом ударяясь о незримое препятствие. Лапки пчелы покрыты пылью, и кажется, что она одета в золотистые тёплые чулки. И где-то в улье её ждут с добычей...

Паренёк неслышно сползает со скамьи в проход между партой и стеной, с опаской косится на пожилого лысоватого профессора у доски. Тот настолько увлечённо повествует о величии цифр и красоте формул, что не обращает на студентов никакого внимания. Крадучись, парень добирается до окна, сдвигает

раму в сторону, выпуская пчелу на волю. Под звуки улицы в аудитории врывается свежий ветер, взметая листки серой бумаги на партах под оживлённые возгласы студентов.

— Месье Бойер! — восклицает профессор.

Подросток неохотно отворачивается от окна, улыбается, разводит руками:

— Простите, месье Сент-Арно. Пчела...

— Это важнее математики, месье Бойер? — В надтреснутом голосе звучит раздражение.

— Для пчелы — да, — со всей прямоотой и честностью отвечает светловолосый парень и опускает раму.

Следующая реплика профессора тонет в дружном смехе, и учёный муж сердито машет рукой в сторону нарушителя спокойствия, стряхивая с рукава облако меловой пыли. Вскоре в аудитории воцаряется тишина, и лектор возвращается к теме занятия. Подросток садится на своё место, вздыхает и делает вид, что внимательно слушает. Но сосредоточиться на математике не удаётся. Он думает о том, какое невезение — разозлить профессора в день визита куратора.

«Будто у меня и без этого мало неприятностей, — хмуро размышляет он, подпирая ладонью левую щёку. — Сент-Арно наверняка снова заладит о неуважении будущего Советника к старшим, о том, что Университет даром тратит на меня время, а я занимаю чужое место...»

Солнце кажется по-летнему горячим. Под его лучами утихает простреливающая боль там, где покрывают левую щёку шрамы от ожогов — от внешнего угла глаза к углу рта и оттуда к шее и плечу. Надо было слушаться сестру и не болтаться в феврале без шапки. Тогда бы не застудился, и ухо бы не пришлось лечить, и шрамы бы не дёргало так долго.

«Ничего, — бодритесь мальчишка. — Прогреюсь на солнышке, и всё уйдёт — как весенняя грязь с улиц. Так было уже, когда мы в море в непогоду выходили. Просто нужно тепло».

Клонит в сон. Хочется поджать ноги, обнять себя за плечи и хоть немного подремать. Вернуться туда, где море, шаткая палуба «Проныры» и строгий взгляд серых глаз Акеми Дарэ Ка.

Одержимость

Грифель в испачканных мелом пальцах медленно выводит на серой бумаге: «27.07.69». Подросток шевелит губами, считая про себя, и через две минуты пишет рядом с первой записью: «271 день». Обводит несколько раз. Смотрит на цифры так, будто ждёт от них чего-то.

— Задание к следующей паре списываем с доски, — повышает голос профессор. — Не забываем, что через две недели — проверочная работа. Кто записал задание, может быть свободен.

Лекторий наполняется гомоном, шуршанием четырёх десятков грифелей по бумаге, шарканьем ног. Студенты торопятся переписать с доски уравнения, наскоро сметают со столов вещи, переговариваются. Светловолосый подросток с задней парты бережно складывает вчетверо исписанный листок, прячет в пластовый чехол грифель, закидывает на плечо старенький акриловый свитер и спускается по ступенькам лектория к выходу.

— Жиль, тебя подвезти домой? — окликает его восемнадцатилетний Кристиан Меньер.

Жиль качает головой и добавляет:

— Спасибо. Я сам.

Кристиан ему неприятен. Внешне всё хорошо, симпатичный, улыбчивый крепыш с коротко стриженными модным «дыбариком» тёмными волосами. Не вызывает доверия его стремление помочь, подвезти, подсказать на проверочной работе. Есть в поведении сына бывшего Советника что-то неискреннее. Жиль это чувствует, читает в хитрых насмешливых глазах молодого Меньера. Когда два года проживёшь на улице, начинаешь считать людей без труда.

— Поехали с нами, быстрее доберёшься! — настаивает Кристиан, широко улыбаясь.

Так улыбался и Рене Клермон в те моменты, когда рядом была Акеми. Улыбка для особых случаев, чтобы все присутствующие видели. От таких улыбок Жиль тошнило. Или хотелось стать слепым.

«Поторчи-ка за дверью, малыш. У нас с Акеми разговор минут на десять...» — и улыбка. Та самая, сладкая, любезная, сочащаяся ложью.

Жиль щиплет себя за руку, прерывая воспоминания. Мимо проходят студенты, покидая лекторий. Меньера уже подхватывает под руку одна из его подружек со Второго круга, тянет за собой. Хохочет наигранно, что-то рассказывает.

Кто-то легонько дёргает Жюля за волосы, заплетённые в косу. Ему даже оборачиваться не надо, чтобы знать, кто это. Лили Ру — милостивая курносая брюнетка с густыми волосами и мелкими острыми зубками — считает, что косичка Жюля Бойера приносит счастье, и всё норовит за неё подержаться. Он сперва сердился и шарахался, но постепенно привык. Лили безобидна. И считает Жюля чем-то вроде забавной игрушки.

— Мне сегодня нужна удача, — сообщает она, неловко краснея. — Андрэ ведёт меня послушать скрипку. Представляешь — настоящую скрипку!

Жиль не представляет, но раз Лили так нужно... Он вежливо пожимает плечами, улыбается. Девушка подмигивает ему и уносится за стайкой подруг. Жиль провожает их взглядом, улыбка медленно гаснет на губах.

— Месье Бойер?

Ну да, конечно. Лектор Сент-Арно — худшее, что есть для Жюля в Университете. «Сейчас попросит остаться», — вздыхает студент про себя.

— Думаю, ваш куратор уже прибыл, — медленно, словно по привычке диктуя лекцию, произносит профессор. — Прошу вас пройти за мной в кабинет декана.

Поникнув головой, юноша послушно плетётся за месье Сент-Арно по коридору, то и дело натываясь на студентов.

— Э, глаза потерял? Смотри, куда прёшь! Осторожно! — несётся то справа, то слева.

Можно было бы ударить. Вполне. Казалось бы, никто не держит. Беги себе, Жиль, двери в конце коридора открыты. И — к морю на обшарпанном красном гиробусе. Или...

— Двести семьдесят один, — тихо шепчет Жиль и переступает порог кабинета декана.

Ему не впервой бывать здесь, но он всякий раз благоговеет перед обилием книг в шкафах за стеклянными дверцами. Их

Одержизнь

несколько сотен — стоящих плотно, корешок к корешку, в потёртых и потускневших от времени переплётках, едва ощутимо пахнущих, будящих воспоминания о доме. Голова кружится, если вдуматься, сколько знаний хранят эти книги. А если это ещё и истории...

«Когда-нибудь решусь, — думает Жиль, скользя взглядом по книжным шкафам. — Подойду и посмотрю, о чём эти книги. Не может быть, чтобы это были только учебники. Столько наук в мире не наберётся».

Деликатное покашливание заставляет подростка оторваться от созерцания библиотеки и торопливо поздороваться с сидящим за столом деканом — мужчиной лет сорока с обманчиво мягкой улыбкой. Уж кому, как не Жилю, знать, каким строгим может быть месье Лабранш.

— Присаживайся, бессовестный прогульщик, — качает головой декан и указывает Жилю на скамейку перед своим столом. — Месье Сент-Арно, позвольте представить вам месье Канселье — куратора Жилия Бойера.

— Здравствуйте, — вздыхает Жиль, пряча в полупоклоне полный тоски взгляд.

Начальник полиции Артюс Канселье приветствует воспитанника вежливым кивком, пожимает руку профессору математики. Жиль забивается в дальний угол скамьи, опускает голову и замирает. Знает, что от общения куратора с Сент-Арно глупо ждать чего-то хорошего.

— Ну что ж, — начинает декан. — С вашего позволения, поговорим о деле. Так как я весьма заинтересован в успеваемости месье Бойера, я отслеживаю её по всем предметам. Результаты меня удивляют. Наш юный студент демонстрирует феноменальную память, высокую способность к усвоению материала. И категорическое нежелание учиться.

Канселье сдержанно хмыкает. Жиль делает вид, что в мире нет ничего интереснее грязи под ногтями.

— Месье Лабранш, скажу больше! — напористо встречает Сент-Арно. — У него нет никаких способностей к математике!

Абсолютно! Худший студент в группе, месье декан! Либо слишком юн, чтобы понимать царицу наук, либо просто необучаем.

— Необучаем? — усмехается декан Лабранш.

— Совершенно! Ни одной сданной проверочной работы! — кипит профессор. — На лекциях спит, прогуливает...

— Жиль, покажите мне, что записали сегодня, — строго требует Лабранш.

— Я забыл листок в лектории, — еле слышно отзывается подросток.

Канселье ловким движением вытаскивает из-под ладони Жилья сложенный листок и спрашивает:

— Этот?

— Отдайте! — вскакивает с места мальчишка, но поздно: листок ложится на стол перед деканом.

Лабранш разворачивает волокнистую серую бумагу, рассматривает, хмурится.

— Что значат эти даты? — спрашивает он.

Жиль молчит, стиснув зубы.

— Двести семьдесят один день — это что? Месье Сент-Арно, это ответ на задачу?

— Это чёрт знает что! — фыркает математик.

Канселье заглядывает в листок, раздумывает секунду, кивает сам себе, подходит к Жилью, кладёт руку ему на плечо, пожимает ободряюще.

— Месье Бойер, — строгим голосом окликает декан, — вы понимаете, что Советнику без образования нельзя? У нас уже был разговор на эту тему в январе, верно?

— Верно.

— Вас зачислили в студенты по результатам вступительного экзамена. Мой друг Ксавье Ланглу убедил меня в том, что вы очень способны. Сказал, что сам вас готовил по школьной программе. Результаты экзамена на знание языка и математики, способности к логическому мышлению и поиску нестандартных решений были великолепны. Если бы я не находился с вами рядом во время тестирования, я бы сказал, что это писали не вы.

Одержизнь

Лабранш делает паузу, вглядывается в листок бумаги перед собой.

— Двести семьдесят один день — это сколько недель?

— Полных тридцать восемь, — отвечает Жиль, не задумываясь.

— Часов?

— Шесть тысяч пятьсот семь.

— Неверно! — качает головой декан.

Жиль поднимает на него взгляд, полный тихой, сдержанной ненависти, понятной лишь Артюсу Канселье.

— С двух часов дня двадцать седьмого июля прошлого года до сего момента — ровно шесть тысяч пятьсот семь часов, месье Лабранш, — сдавленно произносит подросток. — Я могу извлечь из этого квадратный, кубический корень в уме, поделить на любое число, будь оно целым или дробным. Здесь, при вас, не пользуюсь счётами и записями. Но не хочу и не буду. Я не хочу получать образование только потому, что оно должно быть у выходца из элиты. Это не делает меня лучше или хуже, месье декан. Месье Сент-Арно неоднократно говорил, что я занимаю чужое место. Я согласен. Я не хочу учиться. Я не хочу становиться Советником. Мне это не нужно.

— Так, успокойся! — Руки начальника полиции стискивают тощие мальчишкины плечи. — Замолчи немедленно. Месье Лабранш, я прошу извинить моего подопечного. Подросток, возраст бунтарства.

Декан понимающе кивает.

— Месье Сент-Арно, я прошу прощения и у вас, — ровно и вежливо продолжает Канселье. — Уверен: будущий Советник Бойер возьмётся за ум и проявит себя в математике с лучшей стороны.

Жиль вскакивает, хватая со стола декана листок и выбегает в коридор. Спустя несколько минут начальник полиции Азиля находит юного Бойера сидящим под колонной в вестибюле.

— Вставай. Шагай в машину, — распоряжается Канселье. — Речи о твоём отчислении не идёт. Особенно после того, как ты отмочил этот фокус с числами.

Анна Семироль

— Валите в жопу! — злобно огрызается Жиль и получает звонкую затрещину.

— После вас, месье Бойер! — ехидно комментирует Канселье. — Не нравится учиться? Мыть полы в лекториях приятнее?

Жиль вспыхивает до корней волос. Откуда Канселье знает, чем он подрабатывает?

— Да, приятнее! Я хочу помогать отцу Ланглу, хочу работать, а не тратить время зря в компании элитариев! — вопит подросток. — Не нужна мне ваша учёба!

Канселье хватается за ухо, заставляя подняться. Пинком гонит к выходу на улицу. И только за дверью, убедившись, что никто не наблюдает за ними, он хватается Жюля за свитер на груди и тихо, чётко говорит:

— Ты будешь учиться. Ты дал слово отцу Ланглу — это раз. И два: только будучи Советником ты сможешь помочь той, чьи дни ты считаешь на лекциях по математике. Влюблённый уличный пацан ничего не изменит для неё, запомни. Но человек, стоящий у власти, — сможет. А теперь приведи себя в порядок и шагай вперёд. Мадам Вероника просила привезти тебя домой. Велосипед твой где? Забирай, привязывай к крыше машины, и поехали.

Жиль послушно идёт туда, где на площадке за Собором студенты Второго круга оставляют свой нехитрый транспорт. Канселье провожает его строгим взглядом и словами:

— Дай тебе бог не только ума и верности, но и хоть немного смирения, юный Бойер...

Электромобиль у Канселье неуютный. Жёсткое сиденье, запах курева, пропитавший обивку намертво. Жиль поглядывает на начальника полиции, забившись в угол, и пытается вспомнить, видел ли его хоть раз курящим.

— Поговорить хочешь? — не отрываясь от вождения, спрашивает парня Канселье.

Жиль пожимает плечами, отводит взгляд. Расслабленно смотрит на зелень полей, проносившихся за окном.

— У тебя друзья есть?

Одержизнь

Отвечать не хочется. Нет доверия к человеку, которого никогда не видел без полицейского мундира. Будто у этого человека нет ничего, кроме его работы. И любой разговор с ним похож на допрос.

— Послушай, тебе в жизни придётся говорить с разными людьми. Большинство из них будут неприятны. Учись общаться. — Голос Канселье смягчается, тон становится более доброжелательным. — Отец Ксавье наверняка обучал тебя и этому, верно?

— Почему ему не позволили быть моим опекуном? — спрашивает Жиль, ловя взгляд Канселье в зеркале заднего вида.

— Потому что никто не доверит опеку будущего Советника убийце, — жёстко отвечает начальник полиции.

Жиль подбирается, как сжатая пружина, и, схватившись правой рукой за ручку над окном машины, левой распахивает дверцу. Канселье бьёт по тормозам, электромобиль со скрежетом скользит по дороге несколько метров, останавливается.

— Ты что творишь? — наспех отстёгивая ремень безопасности, выдыхает Канселье.

Подросток спокойно дожидается, когда куратор выйдет из машины, подбежит к открытой настежь двери, и только тогда отвечает:

— Убийцей можете стать и вы. Стали бы им несколько секунд назад. Вас бы им назначили. И опекун из вас поганый.

Злится, понимает Канселье. Ох как злится. Да, не стоило при нём так отзываться о Ланглу. Чёртов пацан... Такой и правда из машины на ходу прыгнуть может. Потом не оправдаешься перед Советом.

— Ладно, Жиль. Извини, — примирительно произносит Канселье.

— Вы и мизинца его не стоите, — сверля взглядом пуговицу на его мундире, цедит Бойер.

— Хорошо, не стою. Давай-ка, пересаживайся вперёд. И пристёгивайся для надёжности.

— Вы ничего о нём не знаете, — продолжает Жиль. — Осуждать проще. Проще назвать убийцей того, кто спас ваш грё-

банный город. Кто сберёт его детей. А, да! Это и мой грёбанный город тоже. И я жив только благодаря отцу Ланглу.

Давая понять, что разговор окончен, Жиль захлопывает дверцу электромобилиа и щёлкает блокиратором. Канселье возвращается за руль, чувствуя себя несколько неловко. С собственными детьми в возрасте Жилиа Бойера ему было куда проще общаться.

«А что дети? — думает Канселье, заводя двигатель. — Мои — обычные, домашние, спокойные, при отце и матери. Не сравнить с этим. Нет, зря я так про Ланглу. Мальчишка за него порвать готов, не учёл. А врагами нам с ним быть совсем нельзя...»

Он заглядывает в зеркало заднего вида. Бойер сидит, глядя перед собой, рот — прямая линия. В голубых глазах стынуп льдом упрямство и тоска. Вот как теперь говорить с ним?

— Жиль, — окликает его Канселье, — я прошу прощения за свои слова. Мир?

Молчит. Замкнулся, закрылся, и ключа не найти. «Это пока не найти, — кивает сам себе Канселье. — Нет, Жиль, нам придётся ладить. Как бы тебе ни хотелось, чтобы я оставил тебя в покое».

Электромобиль продолжает свой путь к Ядру, погромыхивая помятым задним крылом. Канселье собственноручно выправляет его после того, как машина побывала в толпе во время беспорядков. Стекло пришлось менять, а вот жестяных деталей не нашлось. Зато они со старшим сыном приобрели ценные навыки в ремонте электромобилиа.

«Сегодня — начальник полиции, а кем я буду завтра при новой власти — неизвестно, — рассудил тогда Канселье-старший. — А умения разные нужны».

Взметнув облако пыли, их обгоняет машина кого-то из богатых студентов: за рулём юнец, на заднем сиденье три девчонки, машут руками в открытые окна. Канселье провожает их взглядом и оглядывается на Жилиа. Тот с безразличием смотрит на линию горизонта.

— Кажется, твои друзья, — пытается завязать разговор Канселье.

Одержизнь

— Элитарии мне не друзья, — отрезает подросток.

— Суров! И как ты думаешь жить в Ядре, не общаясь с равными по происхождению?

— Если мне уготовано работать на людей, общаться я буду с теми, для кого стану работать.

— Пример Доминика Каро для тебя ничего не значит?

— Я не собираюсь вести в Ядро тех, кто дорог. Я сам к ним уйду.

Начальник полиции не может сдержатъ усмешку.

— Что? — насторожённо спрашивает Жиль.

— Да ничего. Возраст у тебя замечательный. Всё в мире либо чёрное, либо белое.

— Либо я не хочу с вами разговаривать.

— Да чёрт с тобой, не разговаривай. Только дверь больше на ходу не открывай.

Остаток пути до Ядра Жиль спит, натянув на голову безразмерный свитер, а Канселье думает о своём. О том, что сын всё больше времени проводит со своей девушкой, а дочь всё кашляет и кашляет с самой зимы.

Ворота КПП открываются, охранник отдаёт честь, пропускающая помятый электромобиль начальника полиции на территорию Ядра.

— Хоть за автомат подержись для приличия, раз документы не проверяешь, — шутит Канселье, опустив оконное стекло, и медленно ведёт машину по мостовой под аркой ворот.

Разбуженный мальчишка на заднем сиденье зевает, трёт глаза, озирается по сторонам. Провожает сонным взглядом особняк Каро на вершине холма у поворота к реке, по-детски вытягивает шею, пытаясь заглянуть через перила, когда машина выезжает на мост.

— Красивые цветы, — кивает в сторону роскошного сада Канселье. — Кто там живёт? Кажется, семья месье Сержери?

— Угу, — откликается Жиль. — Вероника брала луковицы тюльпанов у старенькой мадам Кристель. Вон тех, полосатых, с пушистыми краями.

Грядки с затейливо посаженными тюльпанами превращают садик перед домом в роскошный яркий ковёр. Голубые мушкетеры напоминают маленькую реку, в которую глядит апрельское небо. Заметив, что Жиль засмотрелся на цветы, Канселье сбрасывает скорость.

— Не надо, — негромко говорит его пассажир. — Выглядит так, будто...

Он не договаривает, замолкает. Канселье пожимает плечами, и электромобиль сворачивает в сторону Оси. На подъезде к главному зданию города бушует цветущая форзиция, и дорога утопает в золотых облаках. Золото сменяет нежный розовый — сакура. Прищурившись, Канселье смотрит на высокие деревья, припоминая, сколько же лет самой старой сакуре — вон той, высоченной, стоящей отдельно.

— Теперь весь мир будет таким, да?

— Ну... с годами, думаю, да.

— Я выходил за пределы города, — говорит Жиль, всё так же глядя в сторону. — Несколько раз. И видел только травы. Высокие травы, можно заблудиться.

— Деревья тоже есть, — уверенно произносит Канселье. — Только маленькие ещё. Я недавно видел саженцы, они сейчас очень быстро растут. Быстрее обычных деревьев, которые сажают в парке. А в Третьем круге трава выросла даже на крышах. Видел?

Жиль сдержанно кивает. Канселье в очередной раз выворачивает руль, машина съезжает с главной улицы и метров через сто останавливается напротив увитой плющом ограды. Жиль подхватывает с сиденья связанную сестрой сумку-торбу и, толкнув дверцу плечом, быстро выскакивает на тротуар.

— Боится он меня, что ли? — бурчит под нос Канселье, выключает двигатель и следует за подопечным.

Подросток лихо перемахивает через полутораметровый забор, отпирает ворота, пачкая пальцы ржавчиной.

— Да я бы через калитку зашёл, — усмехается начальник полиции.

— Так ключа нет.

Одержизнь

— А ты отмычкой.

В ответ Бойер бросает на него такой суровый взгляд, что Канселье чувствует себя неловко. Желание шутить с пацаном тут же пропадает, и мужчина молча следует за Жилем к виднеющемуся в глубине одетого юной листвой сада двухэтажному дому с огромными окнами от пола до потолка и односкатной крышей. Тропинка огибает дом семьи Бойер по часовой стрелке, открывая светло-серую стену из материала, имитирующего камень.

— Здрасте, месье Артюс! — звонко кричит с балкона семилетняя дочка Вероники — Амелия.

— Веснушка, зови маму, — распоряжается Жиль. — Месье Канселье к ней.

Вероника уже встречает их у дверей, одетая в мужские брюки, перемазанные землёй, и голубую рубашку навывпуск. Светлые, как у брата, волосы подколоты шпильками в высокую причёску, руки теребят тряпку.

— Здравствуйте, месье Артюс. Прошу прощения: занималась садом, не успела привести себя в порядок. Проходите, пожалуйста. Ой, забыла: Амелия у нас сегодня невидимка. Мы с Ганной её заколдовали, — говорит она и заговорщицки подмигивает.

— Веро, месье Канселье хотел с тобой пообщаться. А я пойду велосипед в дом занесу, — не давая никому вставить слова, выпаливает Жиль и быстро выскальзывает за дверь, вопрошая на ходу: — И где же эта веснушка? Обещала мне помочь со звонком на велике, а теперь её нигде не видно...

Мимо взрослых пулей проносится рыжеволосая малявка в шерстяном платье и носках. Дверь хлопает снова, и Вероника разводит руками:

— Ну... раз уж дочка сегодня невидимка, я не видела, как она ушла. Чашечку чая, месье Артюс?

— Да, мадам. Не откажусь.

Хмурое лицо Канселье озаряет улыбка, и он следует за Вероникой в гостиную. Эта маленькая беззащитно-хрупкая женщина с некоторых пор вызывает у него исключительно вос-

хищение. Дело не в её юности и красоте, вовсе нет. По долгу службы Артюс Канселье прикоснулся к личной жизни четы Каро, и то, что открылось ему, заставило по-иному относиться к Веронике и Бастиану. Настолько, что подписанную бумагу о разводе он не решился доверить посыльному, привёз мадам лично.

За чаем Вероника говорит о чём угодно, только не о своей семье. О цветах, что сажает в палисаднике. О детях начальника полиции. О полученной работе и о маленьких школьниках Второго круга, которых обучает чтению и письму. О запасных частях от электромобиля покойной матери, которые, возможно, подойдут месье Канселье для его машины. О снеге, что выпал неделю назад и лежал почти сутки...

— Мадам Бойер, — мягко прерывает её рассказ Канселье. — Я хотел бы поговорить о вашем брате.

Вероника умолкает, сжимает губы в строгую линию — совсем как Жиль. Смотрит серьёзно и прямо.

— Вы о том, что он не хочет наследовать место отца? — спрашивает она, бесшумно касаясь ложечкой чайнок на дне чашки.

— Да, мадам. Его упрямство и нежелание учиться заставляют меня опасаться за будущее Совета.

— Месье Артюс, боюсь, всё куда хуже. Он и дома не всегда ночует. Единственный способ оставить его рядом — говорить, что мне без него одиноко. Иногда страшно. И ради меня он живёт в Ядре, хотя считает, что здесь ему не место. И я не знаю, что может заставить его следовать предназначению.

Канселье отставляет в сторону опустевшую чашку. Осторожно постукивает ногтем по хрупкому белому фарфору и с сожалением говорит:

— Я просчитывал разные варианты, но, похоже, сработает только один. Заставить его работать на город может лишь желание облегчить жизнь тех, кто ему дорог. И вы очень поможете, если попробуете ненавязчиво подвести брата к этой мысли.

Вероника качает головой, не отрывая взгляда от дна чашки.

— Вы заходите не с той стороны, месье Артюс.

Одержизнь

— И вы не хотите мне помочь? — мягко спрашивает он.

— Нет. Жиль прекрасно знает, что общества вне Ядра для меня не существует. И если я начну просить его помочь людям из низов, это прозвучит фальшиво. Я не имею права на фальшь.

— Лукавите, мадам Вероника. Говорите, вы не заинтересованы в низах? Зачем тогда вы устроились работать в школу Второго круга? А как насчёт Ксавье Ланглу?

Тонкие пальцы с аккуратными бледно-розовыми ногтями обнимают чайную чашку чуть сильнее, нежели просто в попытке согреться. В синих глазах всё та же безмятежность и вежливость, но...

— Месье Канселье, — тщательно подбирая каждое слово, говорит Вероника, — если вы знаете что-то, что вас совершенно не касается, не торопитесь это использовать. Может сработать не так, как вы ожидаете.

Канселье кивает, встаёт из-за стола.

— Я вас понял, мадам. Прошу прощения. Впредь обещаю быть более тактичным. Благодарю за гостеприимство, мне пора возвращаться.

Молодая женщина улыбается, но начальник полиции видит, что это лишь дежурная вежливость. И он спешит добавить:

— Ещё раз простите, мадам. Я не хотел вас обидеть. Со всем уважением к вам и вашему дому.

Она провожает его до ворот и, когда он садится в машину, тихо говорит:

— Когда вы приходите в мой дом гостем, я вам рада. Но когда начальником полиции — мне хочется захлопнуть перед вами двери. Я прошу вас помнить об этом.

Велосипед бодро громыкает по тропинке, ведущей к реке. Ядро давно осталось позади, Жилю удалось улизнуть до того, как куратор покинул их дом. Мальчишка сбрасывает скорость на повороте, чуть отклоняется влево. Маленькие руки, обнимающие его за талию, сжимаются крепче, в спину утыкается усыпанный веснушками нос.

— Что ты видишь, когда закрываешь глаза?

Анна Семироль

Жиль улыбается. Умеет же она спросить, даром что такая мелкая.

— Невидимок, — отвечает он.

— И меня видишь?

— Тебя — особенно. Ты опять слюнявишь мне свитер. Зачем?

Девочка вздыхает:

— Он мне нравится. У него цвет печенья. Я пробую цвет на вкус.

Жиль ловко огибает разросшийся лозняк, велосипед подбрасывает на кочке, Амелия звонко ойкает.

— Не пищи, не уроню. Держись крепче. Так какой самый вкусный цвет?

— Конечно, зелёный! Он никогда не обманывает, он всегда свежий!

— Хорошо, что у твоей мамы нет зелёных платьев, — смеётся подросток.

Амелия звонко вторит ему. В обществе девочки Жилю удивительно спокойно. Или, как говорит Вероника, комфортно. Амелия с первого дня их знакомства признала Жилю своим. Наотрез отказалась называть его дядей, привела свой логичный довод: «Дяди мальчишками не бывают. Дяди — это только взрослые. Мам, можно он мне тоже будет брат?»

— Жиль, а почему я своё платье вижу, а ты меня не видишь совсем?

— Ты же для себя видимая, вот так вот.

— Но оно же не я. Ты должен видеть не меня, а платье, ботинки, бант...

Ох, трудно поддерживать эту игру, но приходится.

— Тебя в чём заколдовывали? Голую?

— Не-а! Одетую.

— У Ганны всегда было жутко сильное колдунство. Вот твоим вещам тоже досталось. Эй, там впереди твой любимый участок пути. Готова?

Тропинка мягко идёт под уклон. Ровная, прямая, ни кочек, ни камушков. Жиль плавно набирает скорость, крепко держит

Одержимость

руль. Амелия за его спиной радостно верещит, разжимает руки, раскидывает их в стороны.

— Мы лети-и-им! — кричит она и смеётся.

Ветер бьётся под одеждой Жилия, пьянит, наполняет тело невероятной лёгкостью. Даже если не закрывать глаза, кажется, что он парит над землёй, над городом. И мир отдаляется, становится таким маленьким, что можно взять Азиль в горсти вместе со всеми жителями, фабриками, домами, Собором и сине-серой ленточкой Орба, перехваченной шестью мостами. Хочется отпустить руки, стать сорванным ветром листком, довериться воздуху, но каждую секунду Жиль помнит о том, что за его спиной — маленькая девочка, бесценное сокровище, человек, который одним своим присутствием облегчает любую боль.

«Ночь после возвращения, — шепчет ветер. — Ты помнишь?»

Жиль помнит.

Скользкие от чужой крови слабые пальцы, которые он пытался удержать до последнего. Зрачки, суженные до точек. Грязь, размазанная текущими по лицу слезами. Безумное, повторяемое, как молитва: «Всё хорошо, всё будет хорошо, ты живой, ты есть...» Она сорвала голос, зоря его по имени, пока полицейские запихивали её в машину.

Слепота. Беспомощность. Тщетный поиск её тепла, вкуса, запаха. Так голодный младенец, оставленный в темноте, отчаянно ищет мать. Её, которая значит жизнь. Её, которая есть свет, любовь, центр мироздания, смысл бытия.

«Жиль, ты меня слышишь? Всё обойдётся, её освободят. Жиль, успокойся. Дыши. Всё будет хорошо...»

Он цеплялся за голос учителя, старался слушать, слышать, подчиняться. Но через час арестовали и Ксавье Ланглу. За ним пришёл лично Канселье.

Мир сделался зыбким, как серая студенистая масса. Бог из света и любви превратился в неумолимое возмездие — а затем и вовсе покинул город, сгорбившись и хромя, словно старик. Силы впитались в серые стены кельи Собора. Воздух стал вязким, забил горло на вдохе. Темнота обняла, стиснула, сковала,

повлекла за собой Жиля, потерявшего смысл сопротивляться и тянуться к свету.

«Эй! Эй, ну посмотри же!»

Звонкий голосок и резкий хлопок заставили Жиля вздрогнуть и открыть глаза. Город, что терялся где-то за пеленой, внезапно обрёл лицо, обрамлённое ярко-рыжими кудрями, круглые карие глаза и веснушки на курносом носу. Девочка. Это маленькая девочка лет шести.

«Смотри! Повторяй! Считаем!»

Она хлопнула в ладоши, и Жиль словно против воли повторил. Девочка довольно кивнула, хлопнула ещё дважды.

«Слышишь, да? Это сколько? Правильно, два. Повтори! А теперь сколько? Три, молодец! Как думаешь, сколько раз я сейчас хлопну? Подумай хорошо!..»

— Ты меня вернула, — еле слышно говорит Жиль и улыбается.

После он много раз ломал голову над тем, как Амелия это сделала. Спрашивал у неё — получал один и тот же ответ: «Мне надо было, чтобы ты прислушался и подумал головой. Ты слышал звук, ты думал следующую цифру. Это моё колдунство».

Один. Один. Два. Три. Восемь. Одиннадцать. Девятнадцать...

— Хватайся! — командует Жиль.

Амелия заливается счастливым смехом, и, лишь почувствовав её руки, смыкающиеся вокруг талии, он мягко нажимает на тормоз, останавливая велосипед.

Жиль ставит левую ногу на землю, медленно выдыхает. Сердце колотится так, будто он сам только что бежал. Нёсся под горку с радостно визжащей крохой на закорках. Ощущение постепенно тает, восстанавливается обычный ритм дыхания и пульс. Всё. Теперь перекинуть через раму правую ногу и помочь спешиться Амелии. И не забыть, что она невидимка, да.

Девочка вприпрыжку носится по берегу Орба, собирает камешки, рассовывает по карманам. Жиль сидит на нагретом солнцем валуне, подставив изувеченную щёку тёплым лучам. Двигаться не хочется совсем, и он лишь наблюдает за Амелией из-под опущенных ресниц.

Одержизнь

— Веснушка, ты где? В воду не лезь, мама за мокрые носки выругает!

«Невидимая» девчонка скачет вокруг него, зажав рот ладошками, чтобы не смеяться. Напрыгавшись, садится на корточки поодаль и старательно складывает один камень на другой, строя башню. Больше четырёх окатышей уложить не удаётся, но терпению Амелии можно позавидовать.

— Камушки шевелятся, — с деланным удивлением восклицает Жиль. — Малышка, это ты тут?

— Это не я, это они сами! А я уже сплавала на тот берег и обратно, — гордо заявляет Амелия.

— Значит, мама будет в гневе, — шурясь на солнце, констатирует Жиль. — Сладкого никто из нас не получит, а тебя никто не расколдует.

— Ну и хорошо! А сладкого я наворую, всё равно не видно, что это я!

— Да отлично, что уж. Все будут наступать тебе на ноги, толкать, садиться к тебе на колени за столом. А твои друзья не смогут играть с тобой и станут вести себя, словно тебя нет. Вот так вот.

Амелия мрачнеет, рассматривает на свет свои пальцы.

— Может, оно само пройдёт, а?

Жиль фыркает, не сдержавшись:

— С чего ему? У Ганны очень сильные заклинания, а уж с мамой вместе они заколдовали на совесть!

Амелия предпринимает ещё одну попытку построить башню, но камешки снова рассыпаются. Она разочарованно вздыхает, встаёт, отряхивает руки и идёт к Жилю:

— И что, совсем-совсем не видно, да?

Жиль старательно делает вид, что смотрит сквозь неё.

— Абсолютно. Разве что в грязи тебя измазать.

Круглое личико Амелии становится очень печальным, губы кривятся:

— И... и ты не сможешь увидеть, сержусь я на тебя или улыбаюсь?

— Ага.

В детских глазах мелькает страх.

— И сможешь забыть, как я выгляжу? Вот даже если ты не шутишь сейчас, ты правда сможешь забыть?! И все-все забудут? И Бог тоже?!

Тут уже Жилю становится не по себе.

— Эй... Иди-ка сюда, невидимая девочка, буду тебя расколдовывать!

Он закрывает глаза, подхватывает Амелию на ощупь под мышки, бежит с ней к самой воде, вскидывает над собой. Девочка испуганно хватается за его руки, косится на искрящуюся серебром поверхность Орба.

— Держись крепко-крепко!

Жиль отступает на шаг от кромки реки и, перехватив малышку понадежнее, раскручивает её, вращая вокруг себя. Амелия сперва держится за него мёртвой хваткой, зажмурив глаза, а потом лицо её расслабляется, и вот она уже словно парит над землёй, доверившись ветру.

— Здорово-здорово-здорово! — довольно верещит Амелия. — Ещё кружи! Ещё! Лета-а-а-ать!

Когда над широким, ленивым Орбом звучит детский смех, Жиль чувствует небывалое облегчение. Словно кто-то большой снимает обруч, сковывающий его виски, и падает с глаз серая пелена, и мир обретает краски, звуки, запахи. Жиль снова ощущает себя нужным и сильным, пропадает выматывающее отчуждение и тоска. И хочется таскать рыжую малявку на закорках, подбрасывать её высоко, бегать с ней по берегу наперегонки, щекотать так, чтобы она заливалась хохотом, учить пускать камешки по воде и свистеть, сунув пальцы в рот.

— Ещё, ещё! — требует она, и он кружит её по берегу, пока усталость не берёт своё.

Почувствовав под ногами землю, раскрасневшаяся Амелия делает пару шагов и падает.

— Ой, от меня мир убегает! — довольно восклицает она. Жиль усаживается рядом.

— Ну вот, теперь я тебя вижу. У тебя румяные щёки и испортилась причёска, — радостно сообщает он.

Одержимость

— Дурацкая игра эта невидимка, — говорит вдруг Амелия. — Страшная какая-то. А вот летать — здорово!

— Очень, — подтверждает Жиль и ложится на камни, пережидая головокружение.

Амелия перебирается поближе, убирает с его лица чёлку.

— Это опять болит?

От прикосновения её пальцев боль под шрамами отгрызается, заставляя Жюлю поморщиться.

— Угу.

— У тебя там что-то горькое и серого цвета. Лежи спокойно.

Она долго устраивается рядом с ним, возится, укладываясь поудобнее. Наконец ложится, прижавшись щекой к его щеке, рыжей макушкой упираясь мальчишке в шею и плечо.

— Эй, ты зачем вверх тормашками-то?

— Полежим так чуть-чуть...

И боль исчезает. Быстро, словно кто-то спугнул крысу, и она унеслась прочь. Будто не было её совсем.

Щекочет нос рыжий локон. Жюлю ужасно хочется чихнуть, но он терпит, дышит ртом. «Если я пошевелюсь, всё пропадёт, — думает он. — Так уже было. Убираешь тепло — снова побаливает».

— Жиль, а давай сделаем что-нибудь, что нельзя? Например, обойдём стену.

— Какую стену? — не сразу понимает он.

— Между Вторым и Третьим кругом. Которая людей друг к другу не пускает.

— Её не обойти, веснушка.

— Почему? Она же не круглая. Потому что Второй и Третий круг — это вообще не круги! Значит, у неё есть концы.

Жиль задумывается. Ну да, название «круг» — условное. Скорее, полукруги. Круг — это Ядро и его стена. Третий круг — большая капля, узкой частью уходящая к морю. А Второй — маленькая капля, площадью в каких-то пару квадратных километров. И между ними стена, которую реально обойти, если только...

— Ну есть же концы? — требовательно переспрашивает Амелия.

— Есть. С одной стороны стена на двести метров уходит в море. И обогнуть её можно только на судне. Или на лодке. А лодок в Азиле мало. Да и береговая охрана поймает и по ушам нападёт. Они строгие.

Амелия вздыхает, переползает на четвереньках к Жилю под бок, устраивается поуютнее.

— А что с другого конца?

— Орб. Широкое обрывистое место с быстрым течением и омутами. А ещё там сети расставлены. И если кто рискнёт вплавь перебраться — запутается и утонет. Или по ушам получит от береговой охраны, если доплывёт.

— Зачем так сделали, Жиль?

— Чтобы все ходили через ворота, — скучно отвечает он и кончиком пальца касается малышкиного носа.

Амелия что-то тихо напевает, убаюкивает. Время течёт медленно, со стороны моря тянется вереница дождевых облаков. Жиль рассматривает их, видит то полужнакомый профиль, то раскрывающиеся в вышине цветы, то плывущих в толще морской воды рыб. Веки тяжелеют, сон крадётся на мягких лапах...

— Проснись. И расскажи, что ты видишь, когда закрываешь глаза.

Небо. Серые тучи от края до края. Как бетонная стена вокруг тюрьмы, перед которой он только что стоял.

— Невидимок, — отвечает Жиль одними губами. — Я же говорил тебе.

Девочка тоже смотрит в небо.

— Там что-то есть. По ту сторону облаков. Поехали скорее домой.

Всю обратную дорогу Амелия молчит и, лишь когда велосипед выезжает из-под арки пропускного пункта, просит:

— Давай проедем мимо дома папы? Только ты не останавливайся, пожалуйста.

Жиль пожимает плечами, нажимает сильнее на педали, пушкая велосипед в гору.

Одержизнь

«Зачем ей туда? Она же отца боится до слёз, — думает парнишка, прислушиваясь к мерному сопению Амелии за спиной. — Суд запретил ему к ней приближаться, но вдруг он выбежит и нас догонит? Тьфу, глупость, конечно. Он под домашним арестом, не выбежит. Вон охрана у ворот стоит».

Чем ближе он к роскошному особняку на вершине холма, тем сильнее цепляется за него девочка. Жилю становится её жалко.

— Слушай, может, домой поскорее? Сама же просила.

— Я просто хотела посмотреть, там ли зверь, — шёпотом отвечает Амелия, выглядывая из-за его спины. — Но я не вижу.

— Давай в другой раз посмотрим, а?

Не дожидаясь ответа, он разворачивает велосипед и уезжает в сторону их дома на восточной окраине Ядра. Всю дорогу девочка оборачивается и с тревогой смотрит в небо над особняком Каро.

— Это не за тобой, папа, — тихо бормочет Амелия. — Не за тобой...

Ливень накрывает Азиль после заката. Прямые холодные струи яростно долбят по крышам, молодой листве и первым цветам, словно пытаясь сшить небо с землёй. Орб вскипает, разбуженный стихией, мечется в берегах, бросается на опоры мостов, ворочает камни на пляжах, треплет за тонкие косы-веточки молодой лозняк. Дороги превращаются в ручьи, поля вокруг города — в жидкую грязь. На окраине Третьего круга ливень подтачивает ослабленный синим льдом заброшенный дом, и тот с грохотом рушится, погребая под завалом арку КПП, соединяющую сектора, и часть бетонной стены.

Поздним вечером порывом ветра в комнате Амелии распахивает окно, и девочка, разбуженная шумом и холодом, испуганно зовёт мать. Вероника открывает глаза, осторожно высвобождается из объятий спящего Ксавье Ланглу, накидывает пеньюар и торопится в комнату дочери.

— Мама, мам, там наши цветы смывает, — горестно сообщает девочка из-под одеяла. — И на чердаке ходит дождезверь.

Вероника закрывает окно, проверяет надёжность задвижек, целует Амелию в лоб.

— Это просто весенний душ для всего города, — успокаивает она дочку. — Бог поливает мир, чтобы всё лучше росло. Цветы не смоят, не бойся.

— Людей же иногда смывает, — сонно бормочет Амелия, закапываясь в подушки.

— Не в этот раз.

— А где Жиль?

— Спит в своей комнате. А по чердаку гуляет Миу-Мия, вот.

Вероника присаживается на край дочкиной кровати, Амелия кладёт руку поверх одеяла, и мама поглаживает её. Проходит несколько минут, и девочка снова засыпает. Вероника спешит обратно в спальню, но свет из коридора на первом этаже заставляет её бегом спуститься по лестнице в прихожую.

Ксавье, уже одетый в рубаху, брюки и мокрый плащ, шнурует на пороге высокие ботинки. Веро грустно опускает голову, подходит к нему.

— Пожалуйста, не уходи, — еле слышно шепчет она.

— Родная моя, я должен.

Он завязывает шнурок, распрямляет спину. Ласково улыбается поникшей Веронике:

— Утром служба. А после полудня мне идти навещать прихожан. Ты же знаешь.

— Ксавье, там проливной дождь, ты и так вымок! — Она ловко расстёгивает пуговицы на его плаще, тянет за рукав. — Нет, я тебя не отпускаю!

— Веточка, утром я должен быть в Соборе.

— Не должен, нет! — Она порывисто обнимает его за шею, быстро целует, стаскивает мокрый плащ с плеч. — Тот кюре, которого взяли тебе на замену, проведёт мессу. А к полудню ты вернёшься.

Он молча качает головой, поправляет одежду. Вероника в отчаянии заглядывает ему в лицо:

— Ты же простудишься... Ну как я могу тебя отпустить под такой ливень?

Одержимость

— Я крепкий, не волнуйся обо мне.

Широкая ладонь тянется погладить светлые локоны Вероники, но та уворачивается, распахивает дверь и выбегает под дождь.

— Чего ты боишься, Ксавье? Что люди осудят тебя? — кричит она, сжимая кулаки. — В этом доме некому тебя осуждать! Ни детям, ни слугам! А другим, о которых ты думаешь, не должно быть никакого дела до нас! Ты имеешь на меня право! Мы можем быть вместе, жить в одном доме! Не пару часов в неделю, тайком, как преступники! Это не жизнь, Ксавье...

Он заносит её в дом, ставит босыми ногами на ковровую дорожку. С волос Вероники капает вода, пеньюар промок насквозь, облепил покрытую мурашками кожу. Молодая женщина замёрзла, губы дрожат.

— Ты боишься публичного греха, Ксавье? Не это страшно. Грех — это оставаться несчастным, отталкивая от себя то, что даёт тебе Бог.

Ксавье Ланглу молча запирает дверь, разувается, снимает плащ. Подхватывает на руки Веронику и уносит её в ванную, где долго растирает полотенцами. Она не говорит ни слова, прислушивается к дождю, барабаниющему по окнам, отводит глаза. «Боится, — понимает Ксавье. — Она боится, что я уложу её спать и уйду, как всегда. Как всегда...»

Мокрая тряпка пеньюара отправляется в таз с грязным бельём. Закутанная в большое полотенце Вероника сидит на коленях Ксавье на краю ванны.

— Послушай, пожалуйста, — негромко говорит он. — Я постоянно думаю о том, для кого из нас Бог тебя вернул. Для меня или для Амелии. Чаще всего я сам себя убеждаю, что для Амелии. Это даёт мне силы быть в стороне, беречь вашу маленькую семью от себя. Я боюсь за тебя, за Амелию, за Жюля. Вы беззащитны перед людской завистью и злобой. Совершённое мной преступление бросает тень и на вас, как на самых дорогих мне людей. Это гонит меня прочь из вашего дома. Но в глубине души я верю... нет, я точно знаю, что ты вернулась ради меня. Что Бог хочет, чтобы ты и я были вме-

сте. Бог странный, Веточка. Всякий раз он ставит нас перед выбором. Даже когда всё очевидно, мы всегда делаем выбор внутри себя. Сегодня я хочу думать только о нас с тобой. Но как сберечь, если...

— Я поняла тебя, — перебивает она мягко и обнимает его. — Ты прав. В тебе всегда говорил здравый смысл. Но сейчас он подпитан страхом. Ксавье, я не боюсь слухов. Я не боюсь зависти. Позволь мне быть менее уязвимой. Верь в меня хоть капельку больше. Тебе будет спокойнее. И всё у нас будет хорошо.

Утром сонный Жиль, уже одетый на учёбу, спускается завтракать и застывает, открыв рот. За столом в гостинной сидит отец Ланглу и поглощает омлет с поджаренными полосками грудинки. Вероника, розовощёкая и растрёпанная, быстро подносит к губам чашку, пряча улыбку.

— Доброе утро, — смущённо произносит Жиль. — Вот так вот...

— Доброе утро, Жиль. Присоединяйся, — приглашает воспитанника Ксавье.

Неловко грохоча стулом, подросток усаживается за стол. Косится на довольную сестру, чешет кончик носа. Из кухни выплывает Ганна, плавно колыхая юбками и напевая, ставит перед ним тарелку.

— Вся семья в сборе! — радостно восклицает нянька. — Мадемуазель Амелии только не хватает.

— Мадемуазель так вчера нагулялась, что проспит до обеда, — уплетая омлет, комментирует Жиль. — Под утро явилась ко мне в одеяле, влезла в кровать, как в свою.

Вероника и Ксавье смеются, подросток закатывает рукав свитера и показывает синяк на предплечье:

— Ага, посмейтесь. Вам бы так на пол грохнуться. А эта даже не проснулась. Сопит в двух одеялах, только нос и пятки наружу!

— Люблю, когда ты болтаешь, — говорит Вероника. — Это так редко бывает...

Жиль окончательно смущается и принимается за завтрак.

Одержизнь

— Давай я тебя на лодке довезу? — предлагает Ксавье.

— Спасибо, Учитель. Мне по дороге быстрее. В десять лекция по социологии, надо быть.

— Там такие лужи, что как бы тебе не утонуть вместе с велосипедом, — качает головой Вероника. — С отцом Ксавье надёжнее.

— Кто же спорит?

Жиль хватает чашку сестры, делает два больших глотка, ставит её обратно и почти бегом покидает столовую.

— Всё моё какао допил, — констатирует Вероника и кричит ему вслеп: — Свитер брось в стирку, надень чистую куртку!

Бережно прикрыв за собой входную дверь, Жиль сбегает с крыльца, прыгает через лужу, отпирает ворота и спешит по мокрой плитке дорожки к гаражу. Две минуты спустя велосипед уже несёт его мимо побитых дождём садов к выезду из Ядра. Жиль аккуратно огибает валяющиеся на мостовой сломанные ветки, объезжает лужи. Навстречу торопятся на работу люди из Второго круга: горничные, садовники, няньки, разнорабочие. Несколько раз Жилия обгоняют электромобили разезжающихся из Ядра элитариев. Вежливо сигналият, объезжая парнишку, а Жиль приветственно машет им рукой.

«Странное это чувство: когда тебя все узнают, а ты почти никого не помнишь», — думает подросток, провожая взглядом очередную машину.

Здесь, в Ядре, он чувствует себя абсолютно чужим. Будто его выдернули в другой мир — изобильный, уютный, цветущий. В мир, где каждую ночь спишь в постели с чистым бельём, зимой не цепенеешь от одной мысли о том, что льёт холодный дождь, а тебе негде укрыться; в мир, где к тебе обращаются вежливым «месье» и три раза в день спрашивают, чего бы ты хотел поесть. А ещё заставляют чистить под ногтями, мыть голову дважды в неделю и отбирают свитер только потому, что он старый.

— Советник должен выглядеть соответственно статусу, — пафосно цитирует Жиль старшую сестру и усмехается.

Наверное, Веронике с ним тяжело. Наверное, она заслуживает лучшего брата. Но он старается, ищет то, что она назы-

вает сложным словом «компромисс». Когда любишь кого-то, согласишься и одеться в неудобную, но новую одежду, и в суде будешь держать себя в руках, и в гостях кивать и улыбаться. Но какая же тоска при этом одолевает!

«Прекрати, — мысленно одёргивает себя Жиль. — Сам себя загонишь. Давай думать о хорошем. Учитель сегодня ночевал у нас — замечательно же! Вот бы ему остаться в нашем доме навсегда. Когда он приходит, Веро распускается, как цветок. Розовеет от счастья. Смеётся искренне, а не потому, что хочет, чтобы мы с мелкой видели, что она умеет смеяться. Поёт. Танцует даже иногда. Счастье — это просто. Когда любишь — живёшь. А я?.. Я тоже живу. Я жду. Хотя и всё так плохо, я её жду. И верю, что она тоже».

Позади плещется под шинами электромобиля вода в лужах, сигналит клаксон — трижды. Жиль сворачивает на обочину, спешивается и оборачивается. Машина останавливается поодаль, открывается передняя дверь, выходит Кристиан Меньер и машет ему рукой:

— Бойер, хорош грязь месить! Пока все лужи объедешь, в Собор поспеешь только к вечеру. Прыгай на заднее сиденье, давай!

Жиль смотрит сперва на однокурсника, одетого в ярко-синие джинсы и приталенную рубашку навывпуск, потом на свои забрызганные грязью брюки и внезапно для себя соглашается. Вдвоём они прикручивают велосипед к крыше электромобиля, усаживаются и едут дальше.

— Социологию ты не прогуливаешь, — заговаривает первым Кристиан. — Нравится?

— Не особо, — уклончиво отвечает Жиль.

— А что нравится? Только не говори, что ничего. Я ж вижу, что ты почти по всем предметам сечёшь не хуже нас. Проверочные зачем заваливаешь?

— Тебе не один хрен?

— Тю! Значит, это у тебя протест такой? Уважаю.

Кристиан резко выворачивает руль, и Жилия отбрасывает в угол сиденья.

Одержимый

— Ты с сестрой живёшь?

— Угу. И с племянницей.

— Видел твою сестру. Красивая. Но всегда такая подавленная... Правильно она сделала, что от мужа свалила. Каро ненормальный. Одержимый, я бы сказал. Работе себя всего отдавал. А что его дочка с ним не осталась? Она же не от жены у него, верно?

— Не знаю.

— Ладно, давай про тебя. Я слышал, ты большой знаток Третьего круга?

— Я там жил несколько лет.

— А у нас там с недавних пор есть свой студенческий клуб. Для друзей и подруг. Давай к нам? Не понравится — всегда можно уйти.

Жиль неопределённо пожимает плечами. Кристиан ведёт машину слишком небрежно, не следит за дорогой. Люди, ожидающие гиробуса, отпрыгивают в сторону, когда электромобиль сына Советника Меньера проносится мимо, обдав их грязью. Ощущение, что Кристиану нет до них никакого дела, он больше смотрит в зеркало заднего вида. Пристально изучает своего пассажира.

— Машину водишь?

— Нет.

— Надо исправлять. Буду твоим учителем.

Подросток давит вздох, проводит рукой по обивке сиденья. Искусственная кожа поскрипывает, пробуждая воспоминания о той ночи, когда погибли его родители. Жиль отдёргивает ладонь, сжимает пальцы в кулак, встряхивает чёлкой, пытаясь отогнать жуткое видение: мама. Он сейчас сидит там же, где тогда мама...

— Что? — насторожённо окликает Меньер.

— Укачало, — выдыхает Бойер.

— А когда на велике носишься, не укачивает? — смеётся Кристиан и тут же добавляет: — Извини, я поеду медленнее. Окно приоткрыть?

— Нет. Всё нормально. Поезжай как надо. Мы не опаздываем?

— Да ну, ещё покурить успеем!

На сумасшедшей скорости машина Кристиана Меньера огибаёт Собор, паркуется на университетской стоянке, облив грязной водой из лужи стайку студентов.

— Охренел совсем? — орёт один из них, когда Кристиан выходит из электромобиля.

— Повторил, ага? — широко ухмыляется Меньер.

Студента отводят в сторону друзья, что-то втолковывают ему вполголоса. Жиль с тревогой косится на них, забирает велосипед, идёт в сторону парковки.

— Эй, Бойер! — окликает его Кристиан.

Он нехотя останавливается, оборачивается.

— А это правда, что ты парень той самой Акеми?

Вопрос обжигает, как пощёчина. И почему из уст людей то, что так дорого ему, звучит как нечто постыдное?

Жиль поправляет перекинутую через плечо сумку, улыбается так, что снова болью простреливает шрамы на щеке. Медлит, собираясь с мыслями.

— А вот шёл бы ты на хер, — отчётливо отвечает он.

На лекцию Жиль Бойер приходит последним. Забывается на заднюю парту, вытаскивает грифель и бумагу и, не отрываясь, пишет конспект за лектором. Половина группы то и дело поглядывает на него. Кто-то с нескрываемым интересом, но большинство — с уважением.

Сегодня университетское крыло Собора пустеет рано. Разбегаются шумные студенты, неспешно шаркают по коридорам пожилые профессора. К четырём часам в Университете царит тишина. Последним уходит чудаковатый библиотекарь месье Фортен, который преподаёт студентам историю. Сидящий на ступеньках под колоннами Жиль прощается с ним, быстро дожёвывает половинку лепёшки, которая осталась с обеда, и спешит в кладовую, где Университет хранит уборочный инвентарь. Оттуда подросток вытаскивает ведро и тряпку, в уборной набирает воды и поднимается на третий этаж.

Одержизнь

После ночного ливня полы в лекториях покрыты таким слоем грязи, какого не было с февраля, после таяния снега. Жиль тихо вздыхает, снимает свитер и тонкую нательную рубашку, разувается, подворачивает штаны повыше и принимается за наведение чистоты. Нет, никто его не заставляет. Но заработанные купоны он передаёт некоему Виржилю Брюнею — одному из заместителей Канселье. У Брюнея везде есть связи — и на подпольном рынке, и в тюрьме. И договор между ним и Жилем нерушим: юный Бойер зарабатывает, а Акеми Дарэ Ка дважды в неделю получает фрукты и мясо и раз в три месяца — комплект домашней одежды. Потому Жиль так прилежно отмывает каменные плиты, вычищает грязь из углов и протирает подоконники в лекториях третьего этажа.

Когда мальчишка в пятый раз меняет в уборной грязную воду на чистую и спешит обратно, на пороге аудитории он сталкивается с Люси Кариньян — старшекурсницей, «золотой девушкой», подругой одного из потенциальных Советников, Сельена Лефевра. При виде полугололого взмокшего Жилия Бойера Люси хлопает глазами и округляет губы в удивлённом «О!».

— Здравствуйте, — ворчит он и пытается зайти в лекторий.

— Я тут беретку забыла, — зачем-то поясняет девушка, крутя на пальце яркую вязаную шапочку.

— Нашли? Славно, — бросает Жиль и ставит ведро у ног. — Мне б пройти.

— Погоди. Бойер, ты что — полы моешь?

«Нет, ведро ношу туда-сюда!» — хочется ответить Жилю, но он лишь коротко кивает. Люси отступает в сторону, но не уходит. Таращится на то, как парнишка возит тряпкой по полу, и хлопает ресницами.

— А... а зачем?

— Затем, что грязно, — почти огрызается он, не оборачиваясь.

Люси барабанит ноготками по двери, цокает языком.

— Совсем плебс обнаглел: самого младшего из нас заставляют с грязью возиться! — возмущённо восклицает девушка. — Давай я отцу скажу, он ректора накажет?

Жиль усмехается, полощет тряпку в ведре, отжимает её и только после этого поворачивается к старшекурснице и отвечает:

— Лучше скажите друзьям, чтобы ноги вытирали при входе. Вот ректор — вытирает.

— Нет, ну кошмар же. Давай я тебе платок оставляю, хоть лицо вытрешь? Даже лоб грязный. Не приведи господи люди увидят.

— Я умоюсь, когда закончу, — сдержанно говорит Жиль. — Мадемуазель Кариньян, вы идите, вас наверняка ждут.

Она смотрит на него с беспредельным умилением:

— Жиль, ты как сказочная Золушка! Думаю, тебе просто необходима помощь феи-крёстной! Да-да!

Люси уходит, оставив его вспоминать, кто такая Золушка и при чём тут фея. «Дуры какие-то, — делает вывод Жиль. — Если этой самой Золушке требуется помощь феи в уборке, однозначно дура. И фея вместе с ней. И Люси».

Через час он заканчивает возню с ведром и тряпкой, отмывается с мылом над раковиной в уборной, одевается и покидает Университет. Ему хочется заглянуть к отцу Ланглу, но сейчас время мессы и священник наверняка занят. Жиль забирает со стоянки велосипед, проходит вдоль стены Собора и останавливается возле витража, который Ксавье Ланглу восстанавливал всю зиму. Священник просиживал в лаборатории Сада ночами, чтобы получить краски нужного цвета для стёкол. Пролом в стене помогли заделать прихожане, но витраж отец Ланглу не доверил никому. Только Жилю было позволено помогать выплавлять разноцветные стёклышки, остужать их и подгонять друг к другу специальным клеем. Витраж вышел на славу: юный мир, цветущий и яркий под чистым небом. Не все прихожане одобрили, но отец Ксавье посчитал этот сюжет первостепенно важным.

Подросток встаёт на цыпочки и касается витража кончиками пальцев. «Это наша история, — думает он. — Мы видели, как возрождается мир. Это бесценно».

— Жиль? — окликает его женский голос.

Одержизнь

Он оборачивается. В шаге от него стоит одна из прихожанок лет сорока с блёклым, худым лицом. Она смотрит на мальчишку восторженными глазами, улыбается:

— Ты — Жиль Бойер, верно?

Подросток кивает, но что-то в выражении лица женщины заставляет его сделать шаг назад. Она протягивает к нему руки, заискивающе просит:

— Пожалуйста, пойдём со мной. Помоги моему сыну, Жиль. Он очень болен.

— Я же не врач, — растерянно улыбается он. — Я не сумею.

— Ты — дитя Бога. Ты святой. Стоит тебе захотеть — мой сын излечится. Прошу, идём со мной! Пожалуйста!

Женщина пытается ухватить его за рукав, но Жиль уворачивается, сбегает к дорожке вокруг Собора, запрыгивает на велосипед.

— Почему ты не хочешь помочь? — несётся ему вслед. — Будь милосерден, мальчик! Помоги!

Накинуть капюшон на голову. Убраться отсюда как можно скорее. «Это уже не первый раз, — думает Жиль. — Почему люди видят во мне кого-то, кем я не являюсь? Какой из меня святой, какой из меня Советник? Зачем делать из меня что-то иное? Что такого произошло, что они перестали видеть, кто я? Я просто Жиль, воспитанник Ксавье Ланглу, мальчишка с улиц. У меня не получается быть кем-то другим. Я люблю свою семью, но не могу жить по правилам Ядра. И Бог вернул мне жизнь, но я после этого Богом не стал. Так почему люди этого не замечают?»

Жиль переезжает мост через Орб, сворачивает к пропускному пункту. У калитки спрыгивает с велосипеда, подходит к охраннику, поворачивается спиной и убирает закрывающую шею косичку. Ждёт, когда сосканируют код.

— Да проходи уже, — добродушно басит охранник. — Тебя тут все знают.

От КПП Жиль забирает левее, осторожно лавируя между лужами на раскисшей грунтовой дороге. Ещё десять минут — и он у цели. Дом, в котором жила семья Акеми, высится перед

ним молчаливой безжизненной громадой. Поджог уничтожил верхний этаж. Лёд, поразивший Третий круг прошлым летом, частично обрушил стены. Конечно, людям дали другое жильё, его в Азиле много. А дом оставили разрушаться дальше.

Жиль задирает голову, смотрит вверх. Взгляд замечает сетку трещин в бетоне, участки обрушенной льдом стены — будто кто-то громадный обгрыз здание, вырвав куски плоти, и оставил бездыханное тело на потеху ветрам. Даже приблизиться страшно, не то что зайти внутрь. Он несколько раз пытался подняться наверх, но всякий раз возвращался обратно.

— В этот раз я смогу, — упрямо говорит Жиль и заходит в подъезд.

До четвёртого этажа он идёт спокойно. Лестницы здесь надёжны, стены целы. Бояться нечего. На пятом этаже ступеньки начинают слегка пружинить под ногами, отчётливо чувствуется небольшой уклон влево. Мальчишка шагает, слегка балансируя руками и стараясь ничего не касаться. Шестой этаж обманчиво стабилен. При каждом шаге осыпаются где-то внизу мелкие камушки.

На седьмом этаже Жиль останавливается. Перед ним зияет пролом. Обрушение забрало с собой и часть лестничной площадки, что примыкала к внешней стене. В прошлый раз он смог здесь пройти, осталось только вспомнить, куда безопасно вставать. По предыдущему опыту блуждания по подобным развалинам Жиль знает: если перила не проржавели, при обрушении лестницы они спокойно выдержат его вес, мягко спружинив.

— Значит, держусь перил, — решительно кивает он и осторожно, скользящим шагом, двигается вверх по ступенькам.

Примыкающий к следующему пролёту полуметровый кусок плиты выглядит надёжно. Ни трещин, ни крена. Но выдержит ли он дополнительную нагрузку?

— Обязан, — выдыхает Жиль и, перехватившись за перила выше обрушения, делает шаг вперёд.

На мгновенье ему кажется, что блок из десятка ступенек перед ним вздрагивает, и мальчишка холодеет от ужаса. Но проходит секунда, и ничего не меняется. Не осыпаются бетон-

Одержизнь

ные крошки, не появляются коварные трещины на ступеньках. Жиль выравнивает дыхание и плавно движется дальше. Дойдя до восьмого этажа, он ложится на пыльную плиту пола и отдыхает несколько минут. Он старается не смотреть в потолок над ним. В прошлый раз он повернул назад из-за увиденного.

Лестница между восьмым и девятым этажом завалена кусками бетона с торчащей гнутой арматурой. Где-то наверху капает вода — медленно, звучно. Видимо, ливень прошёл сквозь несколько этажей и продолжает своё путешествие, просачиваясь между перекрытиями и сливаясь через трещины.

Жиль подползает к очередному блоку ступенек, подтягивается, перебирая перила и осторожно отталкиваясь ногами. Ступени под ним пошатываются. Шуршат, осыпаясь с краю, мелкие бетонные осколки. Лестница из последних сил держит вес рухнувшей плиты десятого этажа. Перила ходят ходуном, скрипят натужно. Руки болят от напряжения, Жиль продвигается вперёд до ужаса медленно.

— Давай шевелись, — подгоняет он себя. — Тебе ещё назад возвращаться.

Пролёта между десятым и одиннадцатым этажом нет. Перила, погнутые и перекрученные, свешиваются вниз с краю площадки. Вдоль стены проходит подобие карниза, указывая на то, что здесь были ступеньки. Паренёк медленно встаёт, прислушивается к дому: держит.

— Мне надо попасть наверх, — обращается к зданию Жиль. — Это очень важно. Или я это сделаю, или ты сделай так, чтобы всё было быстро и не очень больно. Хорошо?

Он слегка сгибает колени, с силой отталкивается и подпрыгивает. Миг — и пальцы смыкаются на металлических прутьях перил. Конструкция раскачивается, угрожающе стонет, но выдерживает его вес. Жиль улыбается, подтягивается, потихоньку взбирается вверх.

Остаётся один этаж. Всего один — искорёженный, полуобрушенный, сочащийся дождевой водой. Жиль встаёт во весь рост, смотрит перед собой и вверх. Внешней стены нет. Лест-

нища полностью завалена осколками бетона. Пролёт перед ним нависает, накренившись, удерживаемый только упрямой арматурой. Взгляд мечется от одной бетонной глыбы к другой, ищет, за что можно схватиться, на что опереться.

— Просто позволь мне подняться, — просит Жиль. — Пожалуйста. Я почти дошёл.

Дом безмолвствует, лишь капает между этажами вода. Подросток осторожно подходит к завалу и ставит ногу на обломок стены. Замирает, проверяя надёжность опоры, осторожно переносит свой вес на одну ногу, высматривает, за что ухватиться, и почти ползком двигается дальше. Путь меньше десятка метров отнимает у него четверть часа. И когда Жиль окончательно останавливается и выпрямляется, он понимает, что стоит посреди кухни семьи Дарэ Ка.

Обугленные мёртвые стены. Выбитое окно. Остов опрокинутого стола, обгоревшие остатки кухонных полок. Хрустят под ногами осколки стекла. И — Жиль готов поклясться! — звякает в коридоре фарфоровый бубенчик.

— Конничива¹, Кей-тян, — шепчет Жиль Бойер и вежливо кланяется.

А когда поднимает голову, перед ним на грязном подоконнике стоит маленькая жёлтая чашка. Жиль тянется к ней ободранными в кровь пальцами, бережно берёт и прячет в ладонях. И краем глаза замечает движение в осколке стекла под ногами. Тень улыбки.

— Домо аригато²...

Бубенчик звенит этажом ниже. Жиль присаживается на подоконник, дышит теплом на чашку в ладонях. Закрывает глаза и пытается вспомнить эту маленькую кухню год назад. Низенький стол у стены, крытую посудную полку над жестяной раковиной, тумбу, в которой хранились нехитрые запасы продуктов. Горелый запах от стен мешает, возвращает в реальность. Он грустно качает головой, оглядывается по сторонам,

---

¹ Конничива — вежливое приветствие (яп.).

² Домоаригато — большое спасибо (яп.).

Одержимость

ища взглядом тряпку или верёвку. Может, что-то сохранилось в спальне, но под ногами пол ходит ходуном, и передвигаться по квартире опасно. Жиль стаскивает свитер, отрывает широкую полосу ткани от рубашки, обвязывает чашку и крепит себе на спину, пропустив импровизированную перевязь через плечо.

— Кей-тян, ты меня не проводишь? — просит он. — Если честно, я ужасно боюсь спускаться.

Бубенец звякает за правым плечом. Жиль улыбается и приступает к долгому спуску вниз. На этот раз ему ни капли не страшно. Он точно знает, что доберётся до первого этажа в целости и сохранности. Потому что с ним Кейко Дарэ Ка и жёлтая чашка.

II

Горевестница

— Где ты был?

Ей очень хочется кричать. Хоть раз в жизни устроить настоящую истерику, но она держит себя в руках. Нельзя. Ксавье как-то сказал, что доверие подростка — стекло. Бьётся безвозвратно. Склеить можно, но трещины будут бросаться в глаза, исчезнет прозрачность.

— Жиль, пожалуйста...

— Я дома, ну чего ты?

И улыбается. Глаза довольные, в волосах цементная пыль, свитер безнадёжно испорчен, мешковатые штаны на коленях изорваны в клочья. В испарянных руках мальчишка бережно держит маленький свёрток.

— Тебя избил? — тихо спрашивает Вероника, присаживаясь в кресло.

— Не! Ты прости, что я задержался, Веро. Я сейчас вымоюсь и вернусь, хорошо?

Он бережно кладёт на стол маленький свёрток и убегает на второй этаж, оставляя на полу грязные следы. Вероника разво-

рачивает тряпицу и с недоумением рассматривает жёлтую чайную чашку. Чашка не новая, пыльная, с сеткой трещин внутри и покрытым копотью боком.

«Что это? Зачем? Где его носило до позднего вечера? — с тоской глядя на чашку, думает Вероника. — Чем он живёт там, за порогом дома? Что с ним происходит? Мой самый родной человек страшно далеко от меня, даже когда я касаюсь его. Так быть не должно. Но как это изменить?»

Она проходит на кухню, щёлкает выключателем, ставит на электроплиту старенький чайник с эбонитовой ручкой. Достает из холодильника сыр, замороженные овощи, варёную курицу. Можно было бы разбудить Ганну и попросить приготовить Жилю ужин, но сейчас ей хочется это сделать самой. Мама Вероники никогда не готовила сама, всё доверяла слугам. Но юная мадам Каро, привязанная к няньке Ганне как к единственной в новой семье по-настоящему родной душе, привыкла много времени проводить на кухне. Так и переняла постепенно нянюшкины кулинарные хитрости.

Пять минут спустя в кухню заглядывает Жиль, привлечённый шкворчанием сковороды и запахом еды. Мокрые волосы встрёпаны полотенцем, одет парнишка в старые пижамные штаны.

— А что тут готовится? — любопытствует Жиль и косится в сторону электроплиты.

— Ужин для голодного братика, — весело откликается Вероника. — Скорее за стол!

Жиль послушно усаживается, ставит перед собой жёлтую чашку. Смотрит на неё как одурманенный, по лицу блуждает улыбка. Вероника перекладывает в тарелку курицу и жареные овощи с сырной корочкой, несёт еду на стол. Садится напротив, подпирает щёку ладонью:

— Что это за артефакт, расскажешь?

— Артефакт? — переспрашивает Жиль, быстро расправляясь с пищей.

— Ну... старая вещь, — поясняет Вероника.